

25. *Пронин А. А.* Российская эмиграция в современной историографии / А. А. Пронин: дис. ... канд. ист. наук.; спец. 07.00.02. Отечественная история / Министерство образования РФ. Уральская гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2001. – 284 с.

26. *Сонищева Н. Е.* На чужом берегу (К истории русской эмиграции в послеоктябрьский период) / Н. Е. Сонищева. – М. : Знание, 1991. – 64 с.

27. *Сукачев Л. П.* В Албании / Л. П. Сукачев. – Доступно з : http://www.dk1868.ru/history/v_albanii.htm.

28. Турция и Югославия // Парижский вестник. – № 200. – декабрь 1930 г. – С. 3.

29. *Худой Л.* Въ Юго-Славии (письмо из Белграда) / Л. Худой // Последние Новости. Ежедневная газета под редакцией П. Н. Милюкова. – № 816. – 16.12.1922.

30. *Чебышев Н. Н.* Близкая даль / Н. Н. Чебышев. – Доступно з : <http://www.dk1868.ru/history/chebishev.htm>.

31. Что происходит в Болгарии // Дни. – № 516. – 27 сентября 1923 г.

32. *Якимович С.* Русская учащаяся молодежь в белой борьбе / С. Якимович. – Доступно з : <http://jung-sibmann.livejournal.com/1125.html>.

Надійшла до редколегії 05.11.10

УДК 94(571.1) "1945/1955»

Н. М. Маркдорф

*Новокузнецкий филиал-института
Кемеровского государственного университета*

О КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ СРЕДИ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИНТЕРНИРОВАННЫХ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1945–1955)

Розглянуто проблеми, форми культурно-масової та просвітницької роботи серед військовополонених та інтернованих західносибірських таборів, яка проводилася згідно з політичними цілями у рамках ідеологічного курсу.

Ключевые слова: *військовополонені, інтерновані, табори МВС, Західна Сибір, ідеологічна.*

Рассмотрены проблемы, формы и методы культурно-массовой и просветительской работы среди военнопленных и интернированных западноси-

бирских лагерей, которая проводилась в соответствии с политическими целями в рамках идеологического курса.

Ключевые слова: военнопленные, интернированные, лагеря МВД, Западная Сибирь, идеологическая.

This article discusses the problems, form and methods of mass cultural and educational work among war prisoners and internment camps in Western Siberia, which carried out in accordance with the political aims and ideological tasks.

Key words: prisoners of war, internees, the camp of the MVD, Western Siberia, ideological.

Im Beitrag werden Fragen, Formen und Methoden der kulturellen Massenarbeit und der Aufklärungsmaßnahmen unter den Kriegsgefangenen und Internierten in den westsibirischen Lagern behandelt, die in Übereinstimmung mit den politischen Zielen im Rahmen des Ideologischen Kurses durchgeführt wurden.

Schlagwörter: Kriegsgefangene, Internierte, Gefangenenlager des Innenministeriums, Westsibirien, ideologische Arbeit.

Начало политической работы среди военнопленных относится к первым годам Второй мировой войны, т. е. к моменту появления первых военнопленных солдат вермахта в СССР. Задачи идеологического «просвещения» вытекали из указаний И. В. Сталина о пробуждении у солдат, «обманутых Гитлером, классового самосознания и воспитание их в антифашистском духе, создание кадров революционных рабочих и крестьян, готовых и способных к борьбе против Гитлера и его нового порядка в Европе, к борьбе за уничтожение фашистской диктатуры в Германии и освобождение оккупированных стран от чужеземного ига» [1]. Были и более дальние перспективы – использовать вновь обращенных «друзей Советского Союза» в работе не только по разложению войск и тыла противника, но и по возвращению их на родину как кадровый потенциал в послевоенной Германии и других европейских странах.

Наряду с «кузницей» антифашистских кадров приоритетными направлениями в процессе перевоспитания основной массы военнопленных в мирное время стали политическая, культурно-массовая, разъяснительная и просветительская работа.

Наиболее действенным методом, по мнению руководства лагерей, считалось политическое образование через «новое» восприятие иностранцами окружающей действительности, осмысление советской социалистической системы. Кроме того, занятия в творческих самодеятельных коллективах должны были существенным образом

изменить тяжелый психоэмоциональный климат, по возможности вывести военнопленных и интернированных из состояния апатии и привлечь наиболее идеологически подкованных к антифашистскому движению. К тому же в действующих кружках – легальных объединениях контингента лагерей – удобнее было отслеживать умонастроения бывших военных противников.

В распоряжении Управлений западносибирских лагерей в период массового поступления военнопленных и интернированных имелись следующие средства для организации и осуществления культурно-досуговой деятельности:

- лагерное радиовещание, транслировавшее московские передачи;

- кинопередвижки;

- библиотеки, содержащие политическую, художественную литературу; советские газеты и журналы; периодические центральные газеты: «Ниппон Симбун», издававшаяся в Хабаровске для японских военнопленных; «Фрейерс Ворт» (1941–1943), «Фрейерс Дойчланд» (1943–1945); «Бюллетень для немецких военнопленных в СССР» – «Нахрихтен» (1946–1949); «Игаз Со» (1942–1949) для венгерских военнопленных; «Грайул либер» (1942–1949) – «Газета для военнопленных румын»; «Миттайлунген» для австрийцев [2].

Кроме указанной периодики, военнопленные немцы получали советский журнал «Новое время» на немецком языке и целый ряд изданий из Советской оккупационной зоны Германии. Для многих немцев, находящихся в плену, рецензируемая, находящаяся под прессом неумолимой и жесткой цензуры пресса являлась своеобразным мостом, связующим звеном с далекой родиной. Поначалу среди «реакционно и профашистски» настроенного контингента тщательно отобранная информация вызывала крайне негативные реакции. Например, агентурно-оперативные донесения и сводки в лагерях фиксировали множество отнюдь не позитивных высказываний. Приведем лишь некоторые из них. Военнопленный Зильбах: «Газету «Нойе Цайт» я больше читать не буду, т. к. она является вредной для будущего Германии». Военнопленный Вальтер Кульмрайх: «Жизнь стала просто невыносимой. Кто-то имеет свои идеалы, для них жизнь имеет смысл. После каждой читки немецких газет я чувствую политическое похмелье». Военнопленный Альфонс Бюкль, католический священник: «Бог мне никогда не простит, что я собрал на богослужение всего 8 человек, но наказаны будут и агитаторы, вовлекшие наших людей в дьявольские объятия большевиков» [3]. Впоследствии

эти газеты завоевали прочный авторитет среди основной массы военнопленных, вошли в их повседневную жизнь, скрашивали досуг и во многом способствовали не просто идеологическому перевоспитанию, но и улучшению психологического состояния в среде контингента лагерей.

Большинство советских политработников иностранных языков не знали. Имел место постоянный дефицит переводчиков. Поэтому периодической печати отводилось место одного из основных средств в идеологической обработке военнопленных.

Газеты разъясняли значение послевоенной сталинской пятилетки – «пятилетки изобилия», регулярно размещали сведения о строительстве во всех областях советской экономики. Например, среди наиболее «злободневных» тем были: «Новый центр советской промышленности – Рубцовск», «Кузнецкий угольный бассейн», «Впечатления из Ташкента», «Восстановление Донбасса» и другие [4].

С целью повышения производительности и качества труда военнопленных публиковалось множество статей с пропагандой передового опыта и трудового героизма советского человека, о знатных людях в СССР (М. Кривonos, Бусыгин, П. Ангелина, Семиволос, Д. Гармаш, З. Троицкая, Т. Федорова), а также о советских академиках и их вкладе в науку. Газеты регулярно отражали хронику об СССР, в которой освещались хозяйственные, культурные, научные и технические достижения страны, выступления и воззвания руководителей партии и правительства. Редакции перепечатывали из советской периодики статьи И. Эренбурга и Заславского, сатирические очерки Рыклина, братьев Тур, стихи Маршака, песни советских композиторов. Весь советский материал был богато иллюстрирован [5].

Учитывая, что в среде немецких и румынских военнопленных было много представителей интеллигенции, имеющих «искаженные представления» о советской литературе, искусстве советских людей, редакция регулярно размещала статьи о культуре, быте, развлечениях, увлечениях советских граждан. В ряде публикаций говорилось о росте жизненного и культурного уровня советских людей в послевоенное время. В рамках тематической литературной полосы публиковались статьи «О советской литературе в годы войны», «Большая жизнь» (Алексей Толстой), «Нашествие» Леонова, «Константин Симонов – советский писатель и патриот», «Горький – великий борец против фашизма» и др. Были напечатаны очерки и отрывки из произведений советских писателей, размещались резюмирующие статьи о советских художниках, о театре, кино, радио, балете в СССР. Как

например, «Кукрыниксы», «Галина Уланова – гордость советского балета», «Вера Пашенная – народная артистка СССР», «Проф. Садовский», «Сокровища русского искусства (Третьяковская галерея)», «Дмитрий Шостакович – советский композитор», «Советский балет», «Хор Пятницкого», «Зимний театральный сезон в Москве», «Я не чувствую старости» (Герасимов), «В шесть часов вечера после войны», «Она защищает родину», «Говорит Москва». СССР изображался как авангард прогрессивного человечества в борьбе за мир и свободу, как колыбель мировой науки, культуры, просвещения [6].

В 1946 г. были сформированы политотделы лагерей, в функции которых входило совершенствование политико-массовой работы среди военнопленных и интернированных. Из числа пленных, окончивших антифашистские школы, стали создаваться редакции-дублиеры. Кроме того, «на плечи» местных антифашистских активов была возложена задача по организации читательских конференций как на местном, так и центральном уровнях, что в значительной степени улучшило деятельность периодических изданий. Как правило, на подобных конференциях ставились вопросы повышения политического и культурного уровня контингента лагерей. Начиная с 1946 г. в газетах стали размещать произведения немецких, румынских, венгерских писателей, их стихи, а также ребусы и кроссворды. Появилась рубрика юмора и сатиры, в которой высмеивались «недостатки» лагерной повседневности.

В редакции-дублиеры старались привлекать военнопленных, обладающих писательскими и журналистскими способностями, знающих русский язык, идеологически грамотных, разбирающихся в психологии, обладающих коммуникативными способностями. Интересно отметить, что редакции газет получили возможность направлять в лагерь «проверенных и хорошо себя зарекомендовавших» военнопленных журналистов для сбора материалов, но главное – совершенствования пропагандистской работы. В результате в ряде лагерных отделений начал действовать корреспондентский актив, проводивший вечера вопросов и ответов, выступающий с публичными лекциями. Как показала практика, желающих участвовать в подобных мероприятиях было немало.

В разворачивающемся антифашистском движении особое внимание уделялось развитию художественного творчества. Среди пленных людей талантливых было много, желающих «скрасить» досуг, пообщаться с товарищами по бараку и труду – также.

Первые самодеятельные коллективы стали создаваться уже к 1945 г. в период массового прибытия военнопленных в лагеря. На основании действующих положений и инструкций разрешались различные формы художественного творчества.

Однако уже на следующий год поступившие в редакцию «Нахрихтен» с «мест» корреспонденции под рубрикой «О состоянии культпросветработы» отразили самый низкий уровень художественной самодеятельности в лагерях. Например, в газете констатировалось: «Военнопленные в большинстве случаев, ничтоже сумняшеся, перенесли в лагеря формы «увеселительных» мероприятий, известных им по фашистской армии и чуждые всякой культуре, лишь несколько приспособив их к новым условиям». Но далее «Нахрихтен» отмечала: «При этом было бы неправильно думать, что во всех случаях за низким идеологическим уровнем и дикостью форм обязательно кроется злой умысел. Военнопленные подчас ставят на лагерных сценах с самыми лучшими намерениями реакционную чушь, состряпанную ими самими» [7].

По «горячим следам» «Нахрихтен» опубликовала ряд редакционных обличительных материалов, направленных на «борьбу с недоброкачественной культурной работой» в лагерях. В противовес и в качестве примера раздел «Лагерная жизнь» поместил подборку писем и статей пленных, повествующих о «качестве хорошей, идейно выдержанной культработы» [8].

Определенные сдвиги в области организации культурно-массовой и досуговой деятельности контингента все же наметились к середине 1947 г., когда большинство западносибирских лагерей смогли, в основном, справиться с тяжелой экономической ситуацией, осуществить комплекс мер по решению важнейших вопросов жизнеобеспечения подневольного контингента, отладить социально-производственные механизмы.

Практически в каждом лагерном отделении были созданы самодеятельные кружки (драматические, хоровые, оркестровые). Для концертов и театральных постановок использовались пьесы как советских драматургов и композиторов, так и произведения, созданные самими военнопленными. В большинстве случаев по своему художественному и идеологическому содержанию они не отличались высоким уровнем, но тем не менее способствовали вовлечению многих узников сибирских лагерей в процесс творчества, а значит, и способствовали процессу адаптации к сибирским реалиям, могли в опреде-

ленной степени улучшить морально-психологическое состояние лагерного сообщества.

Впервые с целью усовершенствования лагерной драматургии Политотделом ГУПВИ МВД СССР при самом широком участии «Нахрихтен», осуществившей всю работу по сбору, просмотру и оценке пьес, в 1947 г. был объявлен конкурс на самую лучшую антифашистскую пьесу. Еще не подведя итоги, и по прошествии недели Политотдел забеспокоился о качестве «продукции» и отмечал, что «основную массу поступившего материала отличают пошлость, глупость и порнографическая писанина» [9]. Как ни странно, основная вина за происходящее была возложена на «Нахрихтен», «не обозначившую на своих страницах условий, требований и целей конкурса». Тем не менее данное политическое мероприятие себя оправдало. К созданию антифашистских спектаклей и постановок сумели привлечь значительное число талантливой немецкой интеллигенции (драматургов, писателей, композиторов, педагогов, священников, врачей).

На конкурс поступило более 200 пьес, из них 40 приняли «как удовлетворяющие по идеологическому, художественному содержанию и тематике», а затем в качестве рекомендуемых постановок распространили в тыловых лагерях по всей стране. Чтобы закрепить успех, в газетах для немецких, венгерских и румынских военнопленных напечатали пьесы немецких писателей-антифашистов, их переводы произведений советских писателей, поэтов, постановщиков и публицистов.

В 1948 г. раздел «Лагерная жизнь» «Нахрихтен» обратился снова к проблеме уровня и содержания культработы для разоблачения имевших место в лагерях стремлений «реакционных элементов использовать лагерную сцену для проталкивания своих идей под лозунгом «чистого веселья» без «политики». Например, редакция «Нахрихтен» (№№ 47, 52) в статьях «Против шовинизма и порнографии» подвергла беспощадной резкой критике присланную уже после конкурса «порнографическую» пьесу военнопленного Кюстера и решительно отвергла попытки «отдельных защитников» оправдать его творчество [10].

Несмотря на просчеты предыдущих лет, в 1948 г. так хорошо себя зарекомендовавший конкурс повторили снова. Вновь был выявлен ряд одаренных авторов, семи пьесам присудили первые премии (правда, так и не выдали), одно произведение опубликовали в «Нахрихтен».

Однако в газете, прежде всего за недостатком отечественных кадров, постоянного отдела по культуре создать так и не сумели. В конечном счете, вся работа по просмотру и рецензированию более 500 присланных на конкурс произведений была проделана одним (к тому же тяжелобольным) сотрудником редакции, на тот момент оказавшимся единственно компетентным в данной проблематике [11].

Наиболее активную деятельность периодические издания для военнопленных развернули в период массовой репатриации (1948–1949 гг.). Агитационно-пропагандистским пафосом были проникнуты высказывания и заявления бывших нацистов не только на собраниях и митингах, но и в средствах лагерной информации, в «написанных» под диктовку обращениях в адрес «вождей Советского Союза» перед отправкой военнопленных на родину, широко тиражируемых антифашистскими политактивами лагерей всеми доступными средствами [12].

С целью превратить в послевоенном мире основную массу отбывающих на родину в активных борцов за социализм и демократию стали практиковать освещение основных идеологических составляющих социалистической системы и коммунистического общества. Для укрепления знаний о преимуществах социализма перед капитализмом, закрепления основ патриотического воспитания в 1949 г. редакция газет «Нахрихтен» и «Грайул либер» разработала ряд тематических занятий для политкружков военнопленных. В числе, прежде всего, освещаемых были представлены вопросы, повествующие о расцвете в послевоенной сталинской пятилетке советской культуры и искусства [13]. К 1949 г. была разработана особая программа для труда военнопленных в Обществе по изучению культуры СССР [14].

В 1949 г. начинают выходить литературные приложения, часть из которых посвящалась юбилейным датам (к 150-летию А. С. Пушкина, 200-летию юбилею Гете), статьи о значении творчества советских и немецких поэтов, биографии и высказывания прогрессивных мыслителей. Информационные материалы при этом комбинировались с отрывками из литературных произведений.

В лагерях и спецгоспиталях данные публикации использовались при организации литературных самодеятельных вечеров для военнопленных, которые стали частым явлением в лагерной повседневности и проводились с привлечением большого числа участников и зрителей. В качестве примера приведем программу одного из них.

Так, например, к Первомайскому празднику в лагере МВД СССР № 93 (Тюмень) в репертуар одного из концертов были включены:

- элегатные миниатюры (комедия);
- стих-сновидение;
- стих «Первомай»;
- парад Весны;

– пьеса «Веселые матросы». В заключение оркестр исполнил марш «В Риме», танго «В субботу», «Пойдем домой»; марш туристов. Затем хор военнопленных исполнил Гимн СССР, а также музыкальные композиции «Весенний ветерок», «Девушка Елена», «Марш дивизии», «Человек, который сердится», «Марш авиации» [15].

К началу 1949 г. в западносибирских лагерях действовали 475 кружков, в которых принимали участие 12 294 чел. Музыкальные, хоровые и драматические коллективы имелись в каждом лагерном отделении, их выступления пользовались большим успехом. Во многом это объяснялось тем, что в репертуаре присутствовали произведения классической музыки как советских, так и зарубежных авторов (Римского-Корсакова, Мусоргского, Глинки, Бородина, Чайковского, Штрауса, Бетховена, Шопена, Брамса). Как отмечали в своих воспоминания бывшие узники сибирских лагерей, наиболее популярными были музыка и песни советских композиторов (Соловьева-Седого, Дунаевского, Блантера, Мокроусова, Новикова) [16].

Значительно улучшился репертуар драматических кружков. Силами военнопленных в 1948–1949 гг. были сыграны спектакли: «Русский вопрос» (К. Симонов), «Остров мира» (Петров), «Дон Карлос» и «Вильгельм Телль» (Шиллер), «Фауст» (Гете). Лагерный театр отличало жанровое разнообразие [17]. Так, например, военнопленными постановщиками и драматургами были созданы и получили широкую известность:

– *политические пьесы*: «Картины русской истории» (Б. Карцев, лагерь 511), «Денацификация и перевоспитание военнопленных в Советском Союзе» (Маркевиц С., лагерь 525) на русском языке, «На заре» (Чункур Рудольф, лагерь 503), «Репатрианты» (Швагер Герхард, лагерь 525), «Разговор у проволоки» (Шлесер Пауль, лагерь 526), «Под санкцией № 51» (Хайрмерл Отто, лагерь № 525), «Воспоминания о пребывании в плену» (Кемерли Ласло, лагерь 525) [18];

– *политическая сатира*: «Попранное право» (автор не известен), «Напоминание» (Шенкер Франц на ноты Кирхдорфера Х., лагерь 503), «Черт его забрал» (Шмидт Вернер, лагерь 525), «Обманутый Михель», «Леман – козел отпущения», «Нелегально» (Герхард Фишер, лагерь 511) [19];

– *политические скетчи*: «Ну, что за порядки!» (Хубер Ганс, лагерь 503), «Комедия денацификации» (Трибе Хейнц, лагерь 503), «Трагедия Германии» (Родин Эрих, лагерь 525), «Священные идо-ль» (Росбург Вальтер, лагерь 511) [20];

– *криминальные скетчи*: «Убил ли я Сильвию?» (Розе Ульрих, лагерь 525) [21];

– *политическое кабаре*: «Новогодняя ночь у дяди Сэма» (Хааб и Фриделл, лагерь 525) [22];

– *оперетты*: «Нищий студент», «Брак по любви», «Дорога к счастью», «Красивая незнакомка» (Фосс Петер, лагерь 525) [23];

– *пьесы в стихах*: «Дурак в красном» (Фосс Петер, лагерь 503) [24];

– *комедии*: «Влюбленный Тонис», «Не имею понятия, или любовь идет странным путем» (Репперс Ханс, лагерь 525) [25];

– *драмы*: «В революционной борьбе» (Фриеморген Иосиф, лагерь 511), «Народная кровь» (Реннер Отто, лагерь 503), «Священная жизнь», «Судья», «Человек», «Святая жизнь» (Гельмут Веренфеннинг, лагерь 511) [26].

Администрация лагерей творчество военнопленных поощряла. Лучшие произведения пополнили лагерные библиотеки, читальни, антифашистские комнаты и клубы.

Были приняты меры к обеспечению военнопленных культпросветимуществом и литературой. По специальным заказам из берлинского отделения издательства «Международная книга» было получено два вагона немецкой художественной и политической литературы, которая была распространена по лагерям и спецгоспиталиям. Кроме того, отладили механизм получения из советской оккупационной зоны (а впоследствии из ГДР) немецких демократических газет. Данные поступления являлись «каплей в море» в обширной лагерной системе ГУПВИ (ОПВИ) МВД СССР и зачастую поступали в страну (особенно в западносибирский регион) с 1–2 месячным опозданием. Тем не менее получение книг и газет с родины было встречено немцами положительно и расценивалось многими пленными «как показатель заботы советской администрации об их культурно-политических запросах» [27].

Начиная с 1946 г. для немецких военнопленных во многих лагерных отделения была налажена демонстрация кинофильмов, выпускаемых в советской зоне оккупации, а к 1947 г. количество кинопередвижек увеличилось в 2,5 раза. В рамках политико-воспитательных задач наиболее часто демонстрировались фильмы: «Ленин в Октябре»,

«Молодость нашей страны», «Клятва», «Ленин в 1918 году», «Дубровский» [25]. Как отмечали в своих воспоминаниях военнопленные, кроме картин идеологически заданных, большой успех имели ленты с любовным содержанием, советские комедии и исторические фильмы. Перед киносеансом, как правило, военнопленных посвящали в содержание кинолент, а после просмотра проводились беседы с обсуждением сюжетов. Особенно запомнились им: «Сказание о земле Сибирской», «Первая учительница», «Повесть о настоящем человеке», «Алишер Навои» [28].

Антифашистские комитеты из числа пленных проводили большую агитационную, политическую и культурную работу, тесно связанную с производственными задачами лагеря. Попытки решить хозяйственно-бытовые проблемы обитателей лагерей, повседневное внимание к запросам и нуждам военнопленных со стороны данных организаций все же способствовали росту их авторитета, но в то же время к лидерам антифашистского движения по-прежнему относились скептически, считая многих из них изменниками присяге и воинскому долгу, приспособленцами, «приспешниками» в корыстных целях лагерной администрации.

Для наиболее активных членов антифашистского движения и передовиков производства (особенно в преддверии репатриации 1948–1950 гг.) Политотделы западносибирских лагерей организовали экскурсии с посещением музеев, театров, городских достопримечательностей, отклики о которых публиковались в стенных газетах, отправлялись в центральные периодические издания. Однако впоследствии в мемуарах весьма специфично оценивались «колорит», архитектура и бытовая повседневность западносибирских городов. Например, бывший военнопленный Гюнтер Полстер писал: «Вся поездка по Сталинску произвела на меня странное впечатление. Фасады зданий с улицы у русских имеют чистый и ухоженный вид. Совсем другое дело – вид со двора. Во дворах грязь, нет освещения и внутреннего благоустройства» [29].

Культурно-массовая и просветительская работа среди военнопленных и интернированных западносибирских лагерей проводилась в соответствии с политическими целями и в рамках идеологической доктрины СССР. При этом специальная роль в деле воспитания будущих сторонников социализма и «строителей» новой послевоенной Европы отводилась периодическим массовым изданиям, развитию художественного самодеятельного творчества, благодаря которым военнопленные в послевоенном мире должны были стать актив-

ными борцами за демократические преобразования. Идеологическое воспитание «новых сторонников социалистического строя» посредством периодической печати и с помощью художественного творчества происходило с большим трудом и довольно часто наталкивалось на скрытое или явное сопротивление и реваншистские настроения контингента лагерей. Однако с помощью антифашистских комитетов, проводивших большую культурно-просветительскую работу, средств массовой информации и Политотделов лагерей удалось существенно сократить количество саботажа, снизить производственный травматизм, что, безусловно, повлияло на укрепление режима, а следовательно, и организацию трудового использования военнопленных в Западносибирском регионе.

Библиографические ссылки

1. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / сост. М. М. Загорюлько, С. Г. Сидоров, Т. В. Царевская; под ред. М. М. Загорюлько. – М. : Логос, 2000. – С. 365–368.
2. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). – Ф. 1п, оп. 23 а, д. 9, л. 1–2.
3. РГВА. – Ф. 4п, оп. 7, д. 9, л. 78.
4. РГВА. – Ф. 4п, оп. 18, д. 23, л. 19.
5. Главное Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. 1941–1952 гг.: Отчетно-информационные документы и материалы. Т. 4 / сост. М. М. Загорюлько, К. К. Миронова, Л. А. Пылова и др.; под ред. проф. М. М. Загорюлько. – Волгоград : Волгоград. науч. изд-во, 2004. – С. 560–562.
6. Там же. – Л. 579.
7. Российский Государственный Военный Архив. – Ф. 3п, оп. 6, д. 2, л. 63–65.
8. Там же. – Л. 67.
9. Там же. – Л. 69.
10. Там же. – Л. 70.
11. Там же. – Л. 76.
12. Там же. – Ф. 4п, оп. 21-н, д. 393, л. 1–5.
13. Там же. – Ф. 1п, оп. 23а, д. 11, л. 1–4.
14. Там же. – Ф. 4п, оп. 18, д. 23, л. 15.
15. Там же. – Ф. 124п, оп. 1, д. 5, л. 27.
16. Там же. – Ф. 4п, оп. 21-н, д. 657, л. 56–57.
17. Там же. – Ф. 4п, оп. 11, д. 7, л. 64–79.
18. Там же. – Ф. 4п, оп. 21-н, д. 395, л. 1–51.
19. Там же. – Ф. 4п, оп. 21-н, д. 397, л. 1–59.
20. Там же. – Ф. 4п, оп. 21-н, д. 398, л. 1–117.

21. Там же. – Ф. 4п, оп. 21-н, д. 399, л. 1–46.
22. Там же. – Ф. 4п, оп. 21-н, д. 456, л. 1–29.
23. Там же. – Ф. 4п, оп. 21-н, д. 467, л. 1–89.
24. Там же. – Ф. 4п, оп. 21-н, д. 567, л. 1–45.
25. Там же. – Ф. 4п, оп. 21-н, д. 568, л. 1–117.
26. Там же. – Ф. 4п, оп. 21-н, д. 469, л. 1–211.
27. Там же. – Ф. 4п, оп. 7, д. 8, л. 165–184.
28. Там же. – Ф. 1п, оп. 23 а, д. 5, л. 56–60.
29. Polster G. Wir waren schon halbe Russen... – Berlin, 1999. – S. 43.

Надійшла до редколегії 04.11.10